

Независимая газ. — 2003. — 31 янв. — с. 24.

Она была хозяйкой судьбы Эфроса и своей

Памяти Натальи Крымовой

Вера Максимова

У Наташи Крымовой было амплуа, то есть особая роль и предназначение в театральной критике, да и в жизни. Она была рождена хозяйкой, главной.

Театр забирает людей весь. Когда критику не пишется, то дом, семья, стряпня, уборка летят кувырком. У Крымовой все и всегда сверкало. Пахло домашними пирогами, хорошим кофе. В кругу друзей и близких она чудесно менялась; оставляя обыч-

ровки и Кузнецкого моста, над магазином «Фрукты», знала вся театральная Москва. Былолюдно, шумно. Было (никогда уже больше не повторившееся) ощущение важного дела, которым увлечены все, — не многозначительного и умственного, а радостного, живого.

Низкий голос Крымовой слышался в общем гомоне и шуме. Ее невысокая характерная фигура мелькала в многолюдстве. Она была членом редколлегии журнала. Но нам, начинающим, казалось, что имен-

Линию своей судьбы она провела четко и чисто

ную свою на людях горделивость и строгость, улыбалась чаще, по-детски смешно выпячивая подбородок. В сложной жизни двоих, вопреки всему и несмотря ни на что соединенных великой любовью, она была хозяйкой судьбы Эфроса и своей.

Даже в роковом приходе режиссера во враждебную Таганку, куда его загнали предательство и бунт учеников, жажда работы, многолетнее желание иметь собственное дело, обвиняли Крымову. Из унижительных ситуаций — личных и профессиональных — она выходила не жалуясь, не исповедуясь никому, холодно отстраненная, так защищаясь от скверны жизни.

Но куда больше Крымова-«хозяйка» чувствовала в редакции журнала «Театр» самой золотой его поры 50–60-х годов. Комнату на втором этаже в ветхом доме на углу Малой Дмит-

но она заведовала всем тогдашним театром. Уже в начале 60-х она была «той самой», «знаменитой» Крымовой.

Ее в высшей степени ценил тогдашний руководитель «Театра», драматург Николай Погодин. Следующие за ним главные редактора, Владимир Пименов и Юрий Рыбаков, считались с ее мнениями, которые она умела «озвучивать», внедрять в чужое сознание — в словах неторопливая, в ритмах суждений мерная, всегда значительная.

Она была одарена, обаятельна особым даром письма — простого, ясного и выразительного, не театроведчески-теоретического, а скорее художественного, образно зримого, в недрах которого был растворен и потаен анализ, доступно не знатокам, а каждому читающему и любящему театр человеку.

Наталья Крымова с внуком Мишей в Щелыкове.

Ее позиция была проста. Она защищала искусство от неискренности. Образованность и культура делали ее проницательной. Безупречный вкус не позволял лирическому по природе письму, в котором всегда присутствовало сильное авторское «я», стать «женским» и сентиментальным.

Когда пришло тяжелое для журнала время гонений, у Ры-

бакова, обещая ему сохранение редакторского кресла, высокие власти потребовали увольнения Крымовой. Юрий Сергеевич не согласился и ушел. Попросил ее покинуть журнал Афанасий Салынский. К порядочному и незлому человеку, имевшему в свое время мужество не подписать письмо против Солженицына, в эти дни кинулась вся

интеллигентная Москва. Уговаривали не срамиться. Но Салынский хотел править журналом самостоятельно, стать главным де-факто, что при авторитете, таланте, воле Крымовой оказалось бы невозможно.

Впоследствии, в формах еще более унижительных, ей придется не раз пережить эти расставания-увольнения, потому что

не «хозяйкой», не главной, не ответственной в деле Крымова быть не могла.

Как и многие критики женского пола, в юности она пыталась стать актрисой. Не прошла на актерский факультет, но врожденный ее артистизм, одушевление сценой нет-нет да и заставляли думать: а не потерял ли наш театр в лице Крымовой

оригинальную и мощную темпераментом актрису?

Эфрос, всю жизнь находившийся рядом, дал ей бесконечно много. Но и он был не меньше обязан своей необыкновенной жене, как и весь новый, рождавшийся в 50-е, восходивший к вершинам в 60-е годы российский театр. Любившая своего великого мужа «пожизненно», Крымова оказалась необыкновенно широка. Тайно и превыше всего ставила тип эфросовского спектакля, с его атмосферой и мерцанием, мистическими тайнами, культом «живого человека», великой человеческой неразгаданностью. Но она понимала и ценила других, исповедующих иную веру. Не считавшая этику и нравственность пустым звуком в искусстве, горячо принимала эфремовский морализм. Сложное отношение Товстоногова к Эфросу не мешало ей находиться в эпицентре величавого становления ленинградского БДТ. Из всех писавших о «Добром человеке из Сезуана» Юрия Любимова у нее первой нашлись самые точные и выразительные слова о замечательном спектакле, о грядущем рождении нового театра, о возрождении условного направления, полузабытого и преданного гонениям на советской сцене.

В ее книге «Имена», без которой не понять времени шестидесятников, — Ефремов и Юрский, Александр Володин и Юрий Любимов... В книге о Владимире Яхонтове — портретная точность и тонкость анализа, но еще и широкая панорама, переизбыточность жизни, которую, близясь к финалу, Наташа Крымова любила все больше. Спасаясь, утешалась природой, купив наконец деревенский дом в заповедном Щелыкове.

Под занавес судьба дала ей еще один счастливый шанс — работу в журнале «Московский наблюдатель», роль которого в театре эпохи перестройки в полной мере не оценена. Пунктуальная, зверски трудолюбивая, она, как всегда, много и талантливо писала. Но была уже другая. Замолчавшая. Опускалась в кресло в стороне ото всех, утопала в усталости, в болезни, время от времени позволяя себе мрачное озорство. Вдруг в хор похвал по поводу статьи одного из нынешних «властителей дум» низким голосом, раздельно, с усмешкой вставляла: «Умелая фальсификация!..»

После смерти Эфроса она нашла в себе мужество и провела с виноватой перед Мастером, не прощенной ею Таганкой гастроли его спектаклей в Париже. Помогла вернуться на сцену театральной музе своего мужа Ольге Яковлевой.

Она все успела. При ее главном, хозяйском участии было издано наследие Эфроса, собраны воспоминания и работы о нем. Он успела воспитать учеников. Немногих — но талантливых, самобытных, ярких. Последние ее курсы жаловались на нетерпимость, жестокость. Может быть, это была болезнь. А может быть, законное раздражение талантливого человека, оттого, что в уникальную профессию идут не имеющие на нее права. В отличие от многих шестидесятников, кончающих жизнь смутно, компромиссами, ложью, Крымова провела линию своей судьбы четко и чисто.